

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Е.В. Петрухина, Жэнь Шо

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; elena.petrukhina@gmail.com; renshuo_002@126.com*

Аннотация: Данная статья посвящена анализу употребления и деривационного потенциала форм русского повелительного наклонения (императива), способного функционировать в разнородных типах контекста. Основное внимание уделено драматическому (повествовательному) императиву, формы которого выражают совершение неожиданного действия в прошлом и употребляются в особых конструкциях — с союзами-частицами *и, да и*, а также вспомогательной формой императива *возьми* с данными частицами (*а он и / возьми да и / откажись*). Используемая в данной статье выборка примеров употребления драматического императива из Национального корпуса русского языка включает более 520 контекстов, полученных с помощью комплекса специально разработанных формул поиска в Корпусе. Анализ примеров показал, что драматический императив отличается от собственно императива (с побудительной семантикой) не только по значению (выражает неожиданную ситуацию в прошлом) и функциональному типу (употребляется в повествовательных текстах вне ситуации побуждения), но и по целому ряду других параметров. Драматический императив, в отличие от побудительного, связан преимущественно с совершенным видом глагола; не имеет никаких семантических ограничений на заполнение актантной позиции субъекта действия — субъектом может быть не только человек (или его имитация), но и предмет или отвлеченное понятие (причем без их олицетворения). Соответственно лексико-семантические группы глаголов, от которых образуются формы драматического императива, не ограничены семантикой целенаправленного и контролируемого действия, но могут включать и глаголы со значением неконтролируемых и случайных действий, в том числе характерных только для предметов. Данные функционально-семантические и деривационные отличия драматического императива от повелительного наклонения в его категориальном значении и употреблении не соответствуют типичным случаям транспозиции грамматических форм и могут быть рассмотрены как особый тип непрямого употребления форм императива.

Ключевые слова: повелительное наклонение; деривационный потенциал; прямое и не прямое употребление грамматических форм; драматический императив

Финансирование: Е.В. Петрухина выполнила исследование при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-1800260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-7

Для цитирования: Петрухина Е.В., Жэнь Шо. Деривационный потенциал драматического императива в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 82–97.

DERIVATIONAL POTENTIAL OF THE DRAMATIC IMPERATIVE IN CONTEMPORARY RUSSIAN (CORPUS STUDY)

E.V. Petrukhina, Ren Shuo

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
elena.petrukhina@gmail.com; renshuo_002@126.com*

Abstract: This article is dedicated to analyzing the usage and derivational potential of forms of the Russian imperative mood, capable of functioning in various types of contexts. Particular attention is given to the dramatic (narrative) imperative, whose forms express the completion of an unexpected action in the past and are used in special constructions—with the conjunctive particles “*i*”, “*da i*”, and the auxiliary imperative form “*voz'mi*” with these particles (*a on voz'mi da i otkazhis*). The sample of examples of dramatic imperative usage from the National Corpus of the Russian Language includes more than 520 contexts, obtained using a set of specially developed formulas for the Corpus. The analysis of the examples demonstrated that the dramatic imperative differs from the actual imperative (with inciting semantics) not only in meaning (expressing an unexpected action in the past) and in functional type (used in narrative texts outside of incitement situations) but in several other parameters as well. Unlike the inciting imperative, the dramatic imperative does not have semantic restrictions on filling the actant position of the action's subject—the subject can be not only a human (or their simulation) but also an object or an abstract concept. Accordingly, the lexical-semantic groups of verbs from which forms of the dramatic imperative are derived are not limited to the semantics of purposeful and controlled action but can also include verbs with meanings of uncontrollable and accidental actions, including those typical only for objects. Moreover, the dramatic imperative is associated with the aspectual semantics of perfective verbs only. These functional-semantic and derivational differences of the dramatic imperative from the categorical type of formation and use of imperative mood forms (in inciting situations) do not correspond to typical cases of transposition of grammatical forms and can be considered a special type of indirect use of imperative forms.

Keywords: imperative; derivational potential; direct and indirect use of grammatical forms; dramatic imperative

Funding: The research was carried out by E.V. Petrukhina with the support of the Russian Science Foundation, no. 23-1800260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

For citation: Petrukhina E.V., Ren Shuo (2025). Derivational Potential of the Dramatic Imperative in Contemporary Russian (Corpus Study). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 82–97.

1. Вступление. В статье анализируются деривационные, семантические и функциональные отношения между прямым употреблением форм повелительного наклонения в категориальном значении побуждения к действию и непрямыми экспрессивными типами использования данных форм вне ситуации побуждения. Основное внимание уделяется так называемому «драматическому императиву» [Исаченко 1957] (в дальнейшем используем данную номинацию без кавычек), т. е. образованию и употреблению форм императива в конструкциях типа *он и скажи (возьми и скажи) им об этом* для выражения неожиданного действия, совершившегося в прошлом. Термин «конструкция» мы понимаем в духе грамматики конструкций [Fillmore 1988; Goldberg 2002; Кузнецова 2007], т. е. как языковую модель взаимодействия синтаксических структур и наполняющих их лексических единиц. Для нашего исследования важно также учитывать определенную морфологическую форму лексических единиц, соответственно в рамках конструкции здесь изучается взаимодействие синтаксических структур и словоформ. Нас интересует прежде всего сопоставление производящих баз драматического императива и форм повелительного наклонения в категориальном значении. Анализируется потенциальная возможность образования и употребления форм повелительного наклонения в прямом и изучаемом непрямом значении в зависимости от семантических классов глагола, своего рода деривационный¹ потенциал разных семантико-функциональных типов данных форм. Специально данная проблема, важная для трактовки транспозиции форм императива, ранее не исследовалась, ее изучение стало осуществимым благодаря применению корпусных методов исследования и большим возможностям Национального корпуса русского языка (НКРЯ)².

2. Многозначность форм повелительного наклонения: особенности непрямого употребления. Как известно, для форм повелительного наклонения в русском языке характерна высокая степень многозначности в художественных текстах и разговорной речи при употреблении не только с категориальным значением побуждения

¹ Деривацию здесь понимаем широко: как процесс и результат образования в языке любых вторичных единиц на базе других при помощи определенных правил, см. подробнее [Petrukhina, Karpilovska 2021].

² Поиск изучаемых форм для данного исследования проводился по основному корпусу НКРЯ (как со снятой, так и с не снятой омонимией).

адресата совершить действие, но и со вторичными, непобудительными, значениями. «Императив, как особое глагольное наклонение, ограниченное кругом двух непосредственных участников диалога, может быть перенесен, “транспонирован” в такой контекст, где специфическая ситуация диалога (обращения) грамматически устранена. <...> Естественно, что подобная транспозиция императивной формы в несвойственный ей контекст влечет за собой серьезные сдвиги в модальном значении форм императива» [Исаченко 1960: 495]. По мнению многих исследователей, в частности А.Г. Широковой, развитие вторичных функций и транспозиция форм являются одним «из путей обогащения инвентаря грамматических средств» [Широкова 1983: 85]. В русистике и славистике давно обратили внимание на то, что легче всего поддаются транспозиции категории, члены которых внутренне так или иначе связаны с говорящим и его интерпретацией ситуации — ее реальности или нереальности, соотношения с моментом речи. Поэтому транспозиция грамматических форм в первую очередь касается категорий лица, времени и наклонения [Křížková 1966: 174; Широкова 1983]. Переносные вторичные функции грамматических форм являются «как бы компромиссом между вечным стремлением языка к обновлению и его защитной реакцией на возможность появления большего числа новых форм. Кроме того, транспозиция функций, как и контрастивная транспозиция, является одним из выразительных средств стилистического обогащения языка» [Широкова 1983: 86].

Проблеме переносного употребления форм императива в русском языке посвящена большая специальная литература, как классическая, так и новейшая, этот вопрос рассматривается в грамматиках русского языка и университетских учебниках. Укажем лишь некоторых исследователей, работы которых о глагольных категориях и грамматической транспозиции учитываются в данной статье: А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, А.В. Исаченко, Т.Н. Молошная, Е.Н. Прокопович, В.С. Храковский, А.П. Володин, А.Г. Широкова, Э. Фортейн. Несмотря на проработанность этой темы в русской грамматике, использование корпусных методов на большом массиве примеров позволяет уточнить ряд важных вопросов и выявить новые данные об употреблении форм императива при повествовании в плане прошедшего времени.

По мнению многих исследователей, «всякая транспонированная категория всегда имеет функции, так или иначе вытекающие из ее основной функции, являющиеся ее следствием и побочным результатом» [Молошная 2009: 85]. В данном разделе мы рассмотрим вопрос о связи вторичных функций форм императива в русском языке с их

первичной функцией побуждения при употреблении в категориальном значении повелительного наклонения.

Как известно, для форм императива, употребляющихся в побудительной ситуации и сопровождающихся особой интонацией, характерна сложная организация плана содержания. Прототипическими участниками побудительной ситуации являются люди (или имитирующие их поведение механизмы, компьютерные программы, животные), при этом субъект должен быть способен выразить побуждение к действию, а адресат — воспринять побуждение, само же действие должно поддаваться контролю. Соответственно императивная форма 2-го лица эксплицитно выражает исходящее от говорящего побуждение адресата к названному глаголом действию, что предполагает комплекс имплицитных компонентов значения глагольной формы: соотносённость называемого действия с говорящим и слушающим (адресатом); субъективное отношение говорящего к действию, определяющее ее экспрессивность; неосуществленность (нереальность) действия в момент речи; возможная интерпретация действия с точки зрения адресата (исполнителя) как действия вынужденного, зависимого от чужой воли. Например³: *Постой, Володя, не уходи, спой еще, не уходи...* (А. Вознесенский, 1998). *Ответь мне, ты, может быть, не хочешь этого?* (М.А. Булгаков, 1967). *Так что не волнуйся и спи спокойно* (Ю. Трифонов, 1969).

Рассмотрим семантическую связь форм императива, употребленных переносно вне ситуации побуждения, с перечисленными выше имплицитными смыслами категориального побудительного значения, проанализировав степень проявления данной связи в разных функциональных типах изучаемых форм. А.Г. Широкова связывала разнообразный спектр переносных употреблений форм императива прежде всего с таким компонентом категориального значения данной формы, как субъективное отношение «говорящего к предполагаемому или ожидаемому действию и к адресату как исполнителю того действия, которое может или должно свершаться по воле говорящего» [Широкова 1983: 18]. Имеются и другие семантические компоненты, связывающие в той или иной степени непрямые типы употребления императива с прямым.

Признак нереальности действия является общим для семантики повелительного и сослагательного наклонений, давая основание для транспозиции форм императива в семантическую область сослагательного наклонения при выражении потенциального или ирреального условия. Ср.: *Проживи он на пять лет дольше — взялся бы за*

³ Приводимые в данной статье примеры почерпнуты нами из НКРЯ, поэтому мы ограничиваемся ссылками на автора и год издания, не указывая название произведения или журнала (при необходимости эти данные легко найти в Корпусе).

роман о космонавтах (В.О. Авченко, 2017). Как сложилась бы моя жизнь, **согласись** я тогда? (В. Стефаненко, 2019). Данную связь укрепляет возможность употребления императива со значением побуждения в условной конструкции типа **Приди** ко мне в пять часов — *застанешь меня дома*, которая легко преобразуется в конструкцию со значением ирреального условия: ср. **Приди** он ко мне в пять часов, *застал бы меня дома*.

Второй тип употребления императива вне коммуникативной ситуации побуждения в русском языке связан со значением долженствования в таких конструкциях, как *Они веселятся, а я **работай***. Ср.: *Наверняка сел за компьютер. А я **отдувайся!*** (Н.В. Нестерова, 2013). *Он, ссылаясь на меня, занимает у кого-то деньги, а я **плати!*** (С. Шикера, 2009).

Значение долженствования может развиваться на основе возможной интерпретации действия с точки зрения слушающего (исполнителя) как действия вынужденного, зависимого от чужой воли или обстоятельств. Ср. примеры из повести М. Шолохова «Судьба человека»: *Куда меня не гоняли за два года плена!.. А работу **давай**, и слова **не скажи**, да такую работу, что ломовой лошади и то не впору*. В.В. Виноградов, анализируя подобные случаи (в частности такой пример: «А ведь тогда я сама за всем на базар **побеги**, да за все денежки **заплати**, да **куни**, да **подай**, — где на этакую ораву напаешься?»), считает, в подобном употреблении императивных форм, «может быть, следует видеть переходные, гибридные случаи, прилегающие к системе повелительного наклонения» [Виноградов 1947/1986: 485].

Третий тип употребления форм императива вне ситуации побуждения (драматический императив) встречается в нарративных текстах в особых конструкциях — с союзами-частицами (по функции это частицы, но в НКРЯ маркируются как союзы) *и, да и*, а также вспомогательной формой императива *возьми* (от глагола *взять* в значении ‘вздумать’) [Храковский, Володин 2001: 245] в сочетании с частицами (*возьми и / да и*), при этом выражается неожиданная ситуация в плане прошедшего времени. Например: *А шустрый молодец **возьми да и отправь** отзыв самому лауреату* (О. Новикова, 1993). *Шла вот по веранде женщина, мимоходом сорвала цветочек, небрежно сунула его в волосы, а он **и придись** к месту!* (В. Астафьев, 1998).

Имея сильную экспрессивную окраску, драматический императив используется как стилистический прием, характерный для повествования, оживляя его [Исаченко 1960: 500–502]. При этом связь такого употребления с категориальной семантикой повелительного наклонения усматривается лишь в «тривиальном» для императива

компоненте 'экспрессивность' ('эмоциональность')», никаких других «следов побуждения» здесь не видно» [Перцов 2001: 238]. В Русской грамматике 1980 г. (в дальнейшем РГ-1980) представлена сходная трактовка подобного употребления рассматриваемых форм: отмечается, что они «совпадают с формами 2 л. повелительного наклонения, однако выступают только в составе определенных синтаксических конструкций, теряя при этом свое собственное значение» [РГ-1980: 623].

По мнению В.В. Виноградова, «уже нет никакой возможности для живого языкового сознания связывать с современным повелительным наклонением омонимическую форму прошедшего времени совершенного вида, выражающую мгновенно-произвольное действие (*он и скажи*)» [Виноградов 1986: 485]. Здесь усматривается «новый тип глагольного наклонения, которое можно назвать наклонением волонтактивным (или волевым)», оно выражает «действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица» [Виноградов 1986: 487]. Как известно, с В.В. Виноградовым по этому вопросу полемизировал А.В. Исаченко, не соглашаясь с трактовкой драматического императива как своего рода омонимической формы прошедшего времени совершенного вида [Исаченко 1960: 500]. Ниже мы представляем анализ статуса драматического императива в системе грамматических категорий и форм русского глагола, рассматривая его как особый тип непрямого употребления форм повелительного наклонения, вышедшего за границы грамматической транспозиции.

Для изучения системных и функционально-семантических отношений между прямыми и непрямыми типами употребления форм императива, по нашему мнению, важно сопоставить их деривационный потенциал (как уже было отмечено выше, данный вопрос ранее подробно не рассматривался, в том числе и в недавнем исследовании, посвященном переносным типам форм повелительного наклонения в русском языке [Юй Минсю 2021]). В основном разделе данной статьи мы проводим сравнительное исследование мотивирующей базы драматического и побудительного императива (с категориальным значением побуждения к действию), используя корпусные методы.

3. Драматический императив в НКРЯ: формулы поиска. Формирование базы данных об употреблении драматического императива на материале НКРЯ мы проводили по нескольким формулам поиска в Корпусе. Первоначальный поиск драматического императива независимо от вида глагола выявил неупотребительность в этом значении форм повелительного наклонения глаголов НСВ — такие

формы в полученной выборке были зафиксированы в основном в других переносных значениях (например, долженствования: *А здесь — я одна, я и трагедии перекладывай с французского на русский, я и сочиняй — чего недостает, я и с комедиантами возись...* (А.Н. Толстой, 1944)). Данный результат соответствует мнению многих исследователей о том, что функцию драматического императива при обозначении неожиданных действий в плане прошедшего времени выполняют только глаголы совершенного вида (СВ) [Виноградов 1986: 448; Исаченко 1960: 498]. Поэтому в дальнейшем в формулу поиска был включен показатель совершенного вида. Данный аспектуальный параметр маркирует выражение событий, которые понимаются как «переход в новое состояние» [Булыгина, Шмелев 1997: 45–113].

Обязательным компонентом формулы поиска являются личные местоимения 1-го или 3-го лица или имя существительное, ср. [Прокорович 1969: 56; Храковский, Володин 2001: 245]. Необходимость формального размежевания драматического императива с граммемой повелительного наклонения — выражением побуждения к действию собеседника — исключает в формулах поиска характерное для побудительных конструкций местоимение 2-го лица или невыраженность субъекта⁴. Такая закономерность обусловлена тем, что, как точно сформулировал Н.С. Трубецкой, в тех контекстах, «где повелительное наклонение употребляется в «неповелительном» значении (т. е. не как обращение к кому-то, а как высказывание о ком-то), оно утрачивает свои формы лица и числа («приди они на пять минут раньше...», «а я возьми, да и выскочи...»)» (НКРЯ, Н.С. Трубецкой. Письма Р.О. Якобсону, 1920–1938). Данная закономерность согласуется с модальным характером драматического императива, а именно с выражением «произвольности, полной независимости от чужой воли» [Виноградов 1986: 487].

Первая основная формула выглядит следующим образом: личное местоимение в форме именительного падежа первого или третьего лица — “(SPRO)&(nom)&(1p|3p)”; союз и — “CONJ: и”; исключая знаки препинания между актантами — “-(bmark) & -(amark)”; глагол СВ в форме повелительного наклонения второго лица — “(V)&(imper)&(sg)&(2p)&(pf)”⁵. Вторая формула имеет указание на

⁴ Нужно отметить, что при сильной поддержке контекста в отдельных случаях и местоимение 2-го лица возможно в сочетании с драматическим императивом, например: *Я на тебя надеялся, а ты в ответственный момент **возьми и засни!*** В приведенном сконструированном предложении побудительная семантика конструкции *возьми и засни* исключена благодаря явному противоречию между ситуациями, обозначенными в первой и второй частях предложения.

⁵ Формула в целом выглядит следующим образом: “(SPRO)&(nom)&(1p|3p)” + “CONJ: и”(союз), “-(bmark) & -(amark)” + “(V)&(imper)&(sg)&(2p)&(pf)”.

существительное в именительном падеже в функции субъекта (кроме слова *черт*). При этом данную позицию могут занимать номинации как конкретных предметов, так и отвлеченных понятий. Третья и четвертая формулы включают конструкции '*возьми и* + форма императива' и '*возьми да и* + форма императива' с личными местоимениями 1-го и 3-го лица или именами существительными в именительном падеже. Такие конструкции, усиливающие выражение неконтролируемости и неожиданности действия, типичны для драматического императива [Фортейн 2008: 11] и являются самыми частотными в нашей выборке.

Первоначальная выборка по первой формуле содержала 697 примеров, среди которых было обнаружено много неподходящих, в том числе омонимичных форм (например, таких как существительное *нагоняй*, которое омонимично форме повелительного наклонения глагола *нагнать*). После удаления неподходящих примеров в нашей выборке по первой формуле осталось 109 контекстов с драматическим императивом. В результате применения всех формул и проверки полученных контекстов в нашей картотеке зафиксировано 510 примеров.

Среди глаголов, употребленных в форме драматического императива, преобладают глаголы речевой деятельности (более 160 употреблений). Например:

Ленка молчит, а я и ляпни, что Ленка лучший мастер по портретному гриму в городе... (М. Баконина, 2000). *И тогда, пользуясь случаем, я возьми да и спроси главу про свой пропавший вклад. А он возьми да и ответь: «Вот только страну восстановим, и сразу!»* (А. Сурикова, 2001). *Она школьницей была, и их заставляли сеять. Ну, она и скажи: зачем в землю зарывать, давайте хоть съедим ее, кукурузу эту...* (В. Голованов, 2002).

Приведем примеры из некоторых других семантических групп, каждая из которых в нашей выборке насчитывает от 60 до 30 глаголов. Примеры приводятся в порядке уменьшения количества найденных (в рамках данных групп) контекстов с формами драматического императива:

– глаголы существования, бытия, его возникновения или прекращения: *Но она размазывала по лицу слезы, а тут возьми и обьявись по телефону я.* (Г. Щербакова, 1997). *Результаты оказались потрясающими, и информация об этом просочилась. А Лебедев возьми и умри* (А. Маринина, 1995);

– движения: *...Месяца два все у их было ничего, а тут она возьми да не приди* домой ночевать, загуляла где-то, видать, крепко (А. Вайнер, Г. Вайнер, 1987). *А она возьми да грохнись в обморок. И на неделю исчезла...* (Э. Радзинский, 1981);

– воздействия на объект или его перемещения: *Приступают все они — Парфенов, работник — прямо к горлу, я и **ткни, отпихнись!*** (Г.И. Успенский, 1882). *Один раз подложил незаметно набор своих зенкеров и разверток — в Томске на базаре купил, а она **возьми да отнеси** этот золотой инструмент Тамарке.* (В. Чивилихин. 1964);

– интеллектуальной деятельности и восприятия: *Вот он и **задумай** отомстить семье Трамбецких...* (Л. Леонтьев-Щеглов, 1889). *...Стояла у нас бочка над прудами, на самом косогоре, а он и **запримет** ее, да и **подучи** Аркадь Петровича залезть в нее и покатиться вниз* (И.А. Бунин, 1911);

– социальной и творческой деятельности: *Проблема заключалась в государственных аудиторах, которые **возьми да и проверь** бухгалтерскую отчетность нефтяного гиганта* (А. Кузьмин, 2003). *Дело было в годы польской Солидарности, а Рихтер **возьми да и сыграй** на бис Революционный этюд Шопена* (П. Поспелов, 2012);

– изменения состояния (физиологического, эмоционального, социального): *А ветеран **возьми да и выздоровей** и до сих пор цветет и пахнет.* (А.Н. Бузулукский, 2014). *Сделал операцию, действительно сложную, высокому чиновнику, а тот **возьми да и стань** премьер-министром* (Э. Рязанов, Э. Брагинский, 1998).

Императивные формы глаголов названных семантических групп свободно употребляются также в категориальном значении повелительного наклонения. Тем не менее сплошной анализ более пятисот полученных контекстов с драматическим императивом в сравнении с закономерностями выражения побуждения адресата к действию при помощи императивных форм выявил существенные расхождения в деривационном потенциале рассматриваемых функциональных типов данных форм, а также в типе субъекта, с которым соотносится действие, названное формой императива. Проанализируем последние вопросы подробнее.

4. Сопоставление деривационного потенциала драматического императива и форм повелительного наклонения в категориальном значении. Известно, что образование и употребление форм повелительного наклонения возможно не от любого глагола: если лексическая семантика препятствует выражению побуждения, то императивные формы либо не образуются, либо, при теоретической возможности их образования, не употребляются. В РГ-1980 отмечается, что затруднено образование форм повелительного наклонения от глаголов, называющих состояния, отношения и нецеленаправленные действия, связанные, в частности, с предметами, например: *«весить, выглядеть, значить, наличествовать, стоять, преобладать, поиздержаться, поизноситься, приустать, подзабыть... мо-*

розить, рассветать, знобить... ветвиться, вмести́ть, возобновиться, возникнуть, выветриться, втечь» [РГ-1980: 619].

Наш анализ показал, что у большинства приведенных выше глаголов в НКРЯ не зафиксированы формы императива, за исключением глаголов *вмести́ть, возникнуть*, причем у последних данные формы используются в основном вне ситуации побуждения (преобладают условные конструкции, например: *Более того, **возникни** этот вопрос, на него набросятся с прежней ненавистью* (Георгий Бурков, 1953–1990)).

К приведенным выше глаголам из списка РГ-1980 можно добавить целый ряд других, обозначающих неконтролируемые процессы и изменение состояния предметов (в ряде случаев и человека), — образование форм императива от таких глаголов затруднено (соответственно в НКРЯ данные формы не представлены): *сгнуть, подорожать, подешеветь, посветлеть, устареть, полысеть* и др.

Выражение побуждения к действию предмета обычно возможно в поэтических или сказочных текстах (а иногда и в разговорной речи) при персонификации, олицетворении предмета, например: ***Шуми, шуми**, послушное ветрило, **Волнуйся** подо мной, угрюмый океан* (Пушкин); ***Храни** меня, мой талисман* (Пушкин) [РГ-1980: 621]. Ср. также редкие примеры из НКРЯ: *«**Погасни** уже!» — раздраженно приказал Тимницын, щелкнув ногтем по стеклу витрины* (С. Шикера, 1998). *День не говорит факелу: «**Погасни**, — ты мне мешаешь»* (Г. Короленко, 1990). *...Толстяки не захотели исполнить его просьбу, — и он шепнул кукле: **сломайтесь*** (Ю.К. Олеша, 1959).

Формы драматического императива не имеют подобных ограничений — они широко используются в нарративе при выражении неожиданных и неконтролируемых ситуаций, связанных с предметами. Например: *Я за ним, а калоша и **соскочи** у него* (А.Т. Аверченко, 1908). *Иной раз крутишь гайку, а она **возьми да соскочи**, не придумаешь потом, как удачнее повернуться, чтоб достать*. (Н. Лазарева, 1989). *Он, барыня-голубушка, подарил мне брошечку, а она и **пропади***. (Н.А. Тэффи, 1911). *Какие-то ребята решили покатать Тальку на этой доске. А доска **возьми и перевернись**, и Талька едва не утонула* (З.С. Лелянова, 1963). *Точил бритву о ремень, а она и **сорвись** и палец-то без мала напрочь отхватил* (А.А. Селиванов, 1918). *Он пускался в рассказы о том, как я была маленькая. Как меня однажды купали в корыте, поставленном на две табуретки, а корыто **возьми и опрокинься** вместе со мной* (Л.К. Чуковская, 1971).

У ряда глаголов, таких, например, как *хрустнуть, погаснуть*, формы императива в НКРЯ представлены только в непобудительных контекстах, прежде всего со значением неожиданного действия в прошлом: *Я переваливался животом через подоконник и неосто-*

*рожно повис на раме. А она **возьми и хрустни!*** (Д. Емец, 2004).
*Спичка **возьми да и погасни*** (М.А. Булгаков, 1937).

Корпусный материал позволяет выявить и другие различия в деривационном потенциале прямого и непрямого, нарративного, употребления форм императива. Драматический императив образуется от возвратных декаузативных глаголов, семантика которых противоречит побудительному значению. Декаузативами мы вслед за Е.В. Падучевой называем возвратные глаголы, образованные при помощи постфикса *ся*- от переходных глаголов и выражающие неконтролируемые действия, которые «дают говорящему возможность описывать событие, не только не указывая его внешних причин, но и не подразумевая их наличие...» [Падучева 2001: 65].

В целом ряде предложений из нашей картотеки императивные формы возвратных декаузативных глаголов, таких как *сломаться, взорваться, провалиться, сложиться, отклеиться, оборваться, развязаться*, выражают в нарративных текстах неожиданное произошедшее изменение предметов, в том числе их деформацию, разрушение или поломку. Ср.: *Он как бы начал смотреть кино, а телевизор **и сломайся*** (Г. Щербакова, 1997). *Тут Иван кулаком и ударь по телевизору, тот **возьми и взорвись*** (А. Трушкин, 2002). *Разуваться не хотел, обмотки долго сымать, ну и поплыл, а обмотка **возьми да и развяжись** в воде. Спутала ему ноги...* (М.А. Шолохов, 1940). *Пришла к министру культуры с наклеенными ресницами, а **они возьми и отклейся*** (Л. Гурченко, 2003). *А однажды сидела просто так, даже смотрела телевизор, а он (кубик Рубика — Е.П.) **возьми и сложись** в моих руках как бы без моего участия, сам по себе* (Г. Щербакова, 1996).

Императивные формы декаузативов могут обозначать также неконтролируемые и неожиданные для субъекта восприятие, внутреннее или внешнее состояние, например: *И до усталости, до сухоты в горле, до того, как отнимется язык — говоришь, молчание превозмогаешь, а слова вдруг **возьми да кончись*** (О. Павлов, 1998). *Ты ищешь опору и смысл в текущих днях, а сама жизнь **возьми да и оборвись*** (Р. Нахапетов, 1998).

В приведенных в данном разделе примерах мы наблюдаем своего рода деривационно-семантическую общность возвратных декаузативных глаголов и форм драматического императива, выражающих интерпретацию действия как неконтролируемого и неожиданного.

5. Заключение. Наше исследование выявило существенные расхождения в мотивирующей базе форм императива, употребленных в ситуации побуждения, и драматического императива. Как было отмечено в разделе 2, категориальное значение повелительного наклонения реализуется обычно при соответствии актантов и глаголь-

ного действия прототипической ситуации побуждения. Обязательные условия реализации категориального значения повелительного наклонения для драматического императива нерелевантны: позицию субъекта действия свободно занимают номинации как человека, так и предмета (при этом не происходит олицетворения последнего), действие может быть как целенаправленным и контролируемым, так и неконтролируемым, случайным и стихийным. Имеются также существенные аспектуальные различия между прямым и косвенным (повествовательным) функциональными типами форм императива. Если при выражении побуждения в императивной форме свободно могут употребляться глаголы обоих видов, то драматический императив образуется обычно от глаголов совершенного вида.

Данные функционально-семантические и деривационные различия между сравниваемыми типами употребления форм повелительного наклонения, как представляется, не соответствуют типичным случаям транспозиции грамматических форм, например закономерностям переносного использования форм времени. А.М. Пешковский подчеркивал, что при переносном употреблении временных форм возникает, с одной стороны, конфликт между значением словоформы и речевой ситуацией, а с другой стороны, грамматическая форма сохраняет свое прямое значение, «выступает в своем основном значении особенно ярко, и яркость эта создается как раз противоречием между ней и реальными условиями речи...» [Пешковский 2001: 208–209]. Кроме того, при переносном употреблении форм времени, например форм настоящего времени для выражения прошедших действий, невозможно расхождение мотивирующих баз форм настоящего и прошедшего времени: все глаголы имеют обе формы.

А.Г. Широкова считала, что при транспозиции любых грамматических форм сохраняется их категориальное (инвариантное) значение, вступающее в противоречие с контекстом [Широкова 1998: 101] (см. также [Петрухина 2023: 179, 197]), чего мы не наблюдаем в драматическом императиве.

Соответственно деривационные и функционально-семантические отношения собственно императива и драматического императива отличаются от переносного употребления других грамматических форм глагола и создают условия для функциональной омонимии особого типа. Важно еще раз отметить, что В.В. Виноградов рассматривал повествовательный императив как «новый тип глагольного наклонения» [Виноградов 1986: 487]. Корпусное исследование условий употребления и деривационного потенциала драматического императива подтверждает, что последний, обладая существенными особенностями, действительно не вписывается

в систему грамматической транспозиции глагольных форм в русском языке и может быть рассмотрен как особый тип непрямого употребления форм императива. Данный вопрос требует дальнейшего изучения и будет разработан в наших исследованиях, прежде всего в области других непобудительных типов употребления форм повелительного наклонения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.
3. Исаченко А.В. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. М., 1957. № 6. С. 7–14.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология II. Братислава, 1960.
5. Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций. Обзор // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2007. № 4. С. 3–6.
6. Молошина Т.Н. Транспозиция грамматических форм императива в современном русском и других славянских языках // Славяноведение. 2009. № 4. С. 81–90.
7. Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в науч. освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
8. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
9. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2023.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
11. Прокопович Е.Н. Стилистика частей речи. (Глагольные словоформы). М., 1969.
12. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
13. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 3–24.
14. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.
15. Широкова А.Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 83–103.
16. Юй Минсю. Непрямые употребления форм императива в современном русском языке. Кандидатская диссертация. 2021.
17. Goldberg A. Construction Grammar // Encyclopedia of Cognitive Science. London, 2002.
18. Fillmore C., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. 1988. No. 64. P. 501–538.
19. Křížková H. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // Travaux linguistiques de Prague. 1966. No. 2. P. 171–182.
20. Petrukhina E., Karpilovska Je. Derivation. In: Marc L. Greenberg (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online, 2021, http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_033679.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2024).

REFERENCES

1. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. M., *Shkola «Iazyki russkoi kul'tury»*, 1997. (In Russ.)
2. Fillmore C., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*, 1988, no. 64, pp. 501–538.
3. Fortein E. Polisemiia imperativa v russkom iazyke [Polysemy of the imperative in the Russian language]. *Voprosy iazykoznanii*, 2008, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)
4. Goldberg A. Construction Grammar. *Encyclopedia of Cognitive Science*. London, 2002.
5. Isachenko A.V. K voprosu ob imperative v russkom iazyke [On the question of the imperative in the Russian language]. *Russkii iazyk v shkole*, 1957, no. 6, pp. 7–14. (In Russ.)
6. Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo iazyka v sopostavlenii s slovatskim: Morfologiya II* [Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak: Morphology II]. Bratislava, *Slovatskaia akad. nauk*, 1960. (In Russ.)
7. Iui Minsiu. *Nepriamyie upotrebleniia form imperativa v sovremennom russkom iazyke* [Indirect uses of imperative forms in modern Russian]. PhD Dissertation, 2021.
8. Khrakovskii V.S., Volodin A.P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. M., URSS, 2001. (In Russ.)
9. Křížková H. Pervichnye i vtorichnye funktsii i tak nazyvaemaia transpozitsiia form [Primary and secondary functions and the so-called transposition of forms]. *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, no. 2, pp. 171–182. (In Russ.)
10. Kuznetsova Iu.L. *Grammatika konstruktсии. Obzor* [Grammar of constructions. Review]. *Nauchno-tekhnicheskaiia informatsiia. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*, 2007, no. 4, pp. 3–6. (In Russ.)
11. Moloshnaia T.N. Transpozitsiia grammaticheskikh form imperativa v sovremennom russkom i drugih slavianskikh iazykakh [Transposition of grammatical forms of the imperative in modern Russian and other Slavic languages]. *Slavianovedenie*, 2009, no. 4, pp. 81–90. (In Russ.)
12. Paducheva E.V. Kauzativnyi glagol i dekauzativ v russkom iazyke [Causative verb and decausative in the Russian language]. *Russkii iazyk v nauch. osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 52–79. (In Russ.)
13. Pertsov N.V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian inflection]. M., *Iazyki russkoi kul'tury*, 2001.
14. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. M., *Iazyki slavianskoi kul'tury*, 2001. (In Russ.)
15. Petrukhina E.V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovani)*. Uchebnoe posobie. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [Russian verb: categories of type and time (in the context of modern linguistic research). A study guide. Second edition, corrected and supplemented]. M., *Flinta*, 2023.
16. Petrukhina E., Karpilovska Je. Derivation. In: Marc L. Greenberg (Editor-in-Chief). *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*, 2021, http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_033679.

17. Prokopovich E.N. Stilistika chastei rechi. (Glagol'nye slovoformy) [Stylistics of parts of speech. (Verbal word-forms)]. M., *Prosveshchenie*, 1969. (In Russ.)
18. Russkaia grammatika. T. I: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian Grammar. Vol. I: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology]. Ed. N.Iu. Shvedovoi. M., *Nauka*, 1980. (In Russ.)
19. Shirokova A.G. Problematika transpozitsii form naklonenii v slavianskikh iazykakh (na materiale cheshskogo i russkogo iazykov) [Problem of the transposition of mood forms in Slavic languages (based on the material of the Czech and Russian languages)]. *Sopostavitel'noe izuchenie grammatiki i leksiki russkogo iazyka s cheshskim iazykom i drugimi slavianskimi iazykami*, M., MSU, 1983, pp. 83–103. (In Russ.)
20. Vinogradov V.V. Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. M., *Vyshshaja shkola*, 1986. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

National corpus of the Russian language. URL: ruscorpora.ru (accessed: 08.02.2024).

Поступила в редакцию 20.06.2024

Принята к публикации 17.12.2024

Отредактирована 10.01.2025

Received 20.06.2024

Accepted 17.12.2024

Revised 10.01.2025

ОБ АВТОРАХ

Петрухина Елена Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elena.petrukhina@gmail.com

Жэнь Шо — соискатель ученой степени кандидата наук кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; renshuo_002@126.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena Petrukhina — Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elena.petrukhina@gmail.com

Ren Shuo — applicant for the PhD degree, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; renshuo_002@126.com